

новая рубрика: академия «КА»

Любое художественное произведение, каким бы оно вдохновенно написанным ни было, обладает своей внутренней логикой, законами, непостоянной, скажем так, несущей конструкцией, а выбранный жанр, будь то стихотворение, баллада, баит, сказка, рассказ, роман, пьеса,.. исторической ретроспективой, истоками, процессом развития. Вот мы и решили обо всём этом под предлагаемой рубрикой поговорить, то есть, памятуя классика, поверить алгеброй гармонию. Несмотря на некоторую претенциозность названия рубрики, она, надеемся, будет удобочитаема, полезна, интересна как для начинающих писателей, так и профессионалов, да и для всех любителей литературы. Предполагаем, что авторами рубрики будут не только учёные-филологи...

166

Алсу Халибуллина

Солнце, луна, звёзды...

образы небесных светил в русской, татарской поэзии и фольклоре

*На небесах печальная луна
Встречается с весёлою зарёю,
Одна горит, другая холодна.*

А. С. Пушкин

ОБРАЗЫ небесных светил (солнца, луны, звёзд) составляют важнейшую часть русской и татарской литературы. Истоки их связаны с фольклором, с такими его жанрами, как пословицы, песни, баиты, баллады, сказки, в которых они нашли своеобразное выражение.

Различия, самобытность в произведениях разных фольклорных традиций и форм можно обнаружить при сопоставлении мифологии русского и татарского народов.

В русской (шире – славянской) мифологии, как считает известный фило-

лог Е. Мелетинский, в пантеоне богов важнейшее место занимал Ярилло, который был связан с идеей плодородия и олицетворял собой Бога солнца. Ярилло, как и в культурах других народов, является одним из самых чтимых. С ним связаны многие ритуалы, в которых правдоподобно «реконструируется карнавальная нейтрализация противопоставлений»: рождение – смерть, молодость – старость, мужской – женский. Наличие двух Ярилл отсылает к теме божественных близнецов, сыновей Неба.

Солнце в русской мифологии – один из её главных персонажей. По поверьям, именно с него и началась жизнь. Так как древние люди верили, что солнце является истоком жизни, в народных произведениях оно всегда наделялось положительными свойствами.

В татарских мифах образ солнца уникален. Здесь он отличается «своими» характеристиками. Согласно взглядам Ф. Урманчеева, солнце в мифологии татар имеет разные облики и часто противопоставлено луне. Оно может существовать в роли мужчины или молодой женщины. В одних случаях солнце является мужем луны, в других оно выступает в роли жены.

Чаще всего в космологических мифах солнце считается антиподом луны. Но их можно встретить и в образе брата с сестрой; распространённым также является сюжет «небесного брака».

В татарской мифологии и культуре, помимо прочего, особое место занимают образы *месяца и полумесяца*. Нужно отметить, что полумесяц – особый знак в системе восточных символов, что связано в первую очередь с религиозными воззрениями татар. Полумесяц всегда почитался и чаще всего раскрывался в высоком, положительном смысле.

Интересно отметить, что в татарском фольклоре и мифах есть образы «умирающего» и «возрождающегося» месяца, которые граничили с мифологическими представлениями о смерти либо о перерождении жизни: древние верили, что человек так же, как и Луна, погибал и вновь возрождался. К примеру, в культуре тюрков есть мифы о появлении «пятен» на Луне. Многие народы трактуют его по-разному, у татар же он ассоциировался с образом девушки Зухры с коромыслом и ведрами. Есть такие легенды, как «Девушка Зухра», «Звезда Зухра». Они наиболее любимы татарским народом.

В качестве иллюстрации сказанного приведём небольшой фрагмент легенды о луне, которая была распространена среди татар и башкир.

Алсу Хабибуллина родилась (1972) в Казани. Окончила филологический факультет Казанского государственного университета. В 1998 году защитила кандидатскую диссертацию по теме «Русская литература в восприятии татарских читателей (эстетическая интерференция)». В настоящее время является доцентом Института филологии и межкультурной коммуникации КФУ

* * *

Когда-то жила на свете девушка по имени Зухра. Была она пригожей, умной, слыла большой мастерицей. Все вокруг восхищались её умением, расторопностью и уважительностью. Любили Зухру и за то, что она не возгордилась своей красотой и способностями.

Зухра жила с отцом и мачехой, которая завидовала падчерице, бранила её за любой пустяк, взваливала на девушку самую тяжёлую работу по дому. <....>

И вот однажды под вечер, когда Зухра особенно сильно устала от бес-

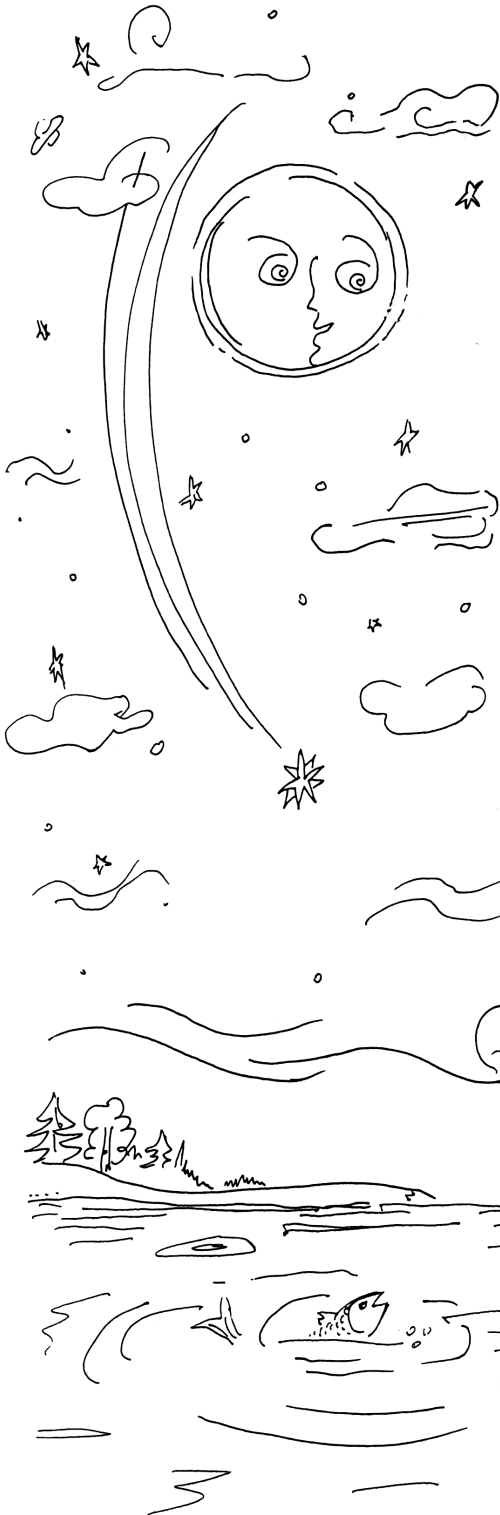
престанной работы, мачеха велела ей натаскать из реки воды в бездонную посудину. Да пригрозила:

– Если до утренней зорьки не наполнишь до краёв, чтоб ноги твоей в доме не было!

Не смея перечить, Зухра взяла вёдра с коромыслом и отправилась по воду. Так уж она намаялась за день, что ноги едва несли её, руки отнимались, а плечи сгибались даже под тяжестью пустых вёдер. На берегу Зухра решила хоть немного передохнуть. Сняла с коромысла вёдра, расправила плечи, огляделась.

Была чудная ночь. Луна лила на землю серебристые лучи, и всё вокруг нежилось в сладостном покое, осиянное её лучами. В зеркале воды мерцали звёзды, соединяясь с их хороводом в небесном океане. Всё было полно таинственной пленительной красоты, и на какие-то мгновенья забылась Зухра, ушли прочь печали и невзгоды.

Плеснула рыба в камышах, накатила на берег лёгкая волна. Вместе с ней нахлынули воспоминания милого детства, будто вновь прозвучали

ласковые слова любимой матушки. И от этого ещё горше стало несчастной девушке, очнувшейся от минутного забытья. Горячие слёзы покатились по её щекам, крупными алмазами падая на землю.

Тяжко вздохнув, наполнила Зухра вёдра, и коромысло невыносимой тяжестью легло не девичьи плечи. А ещё тяжелее лёг камень на сердце. Снова взглянула Зухра на луну – она всё так же вольно плыла по небесной дорожке, сияя и маня. И захотелось Зухре вновь забыться, подобно небесной страннице не знать ни горя, ни забот и дарить доброту и ласку...

В это время с неба скатилась звёздочка. А покуда она падала на землю, становилось всё светлее и светлее. На душе у Зухры вдруг полегчало, тяжкий камень перестал давить на сердце девушки. Сладкая истома охватила её, стало отрадно, покойно. Зухра почувствовала, как вёдра с водой становятся почти невесомыми. Глаза её сами собой закрылись. А когда Зухра вновь распахнула свои длинные ресницы, то увидела себя на луне, в которую она так долго вглядывалась. Её окружил хоровод из множества звёзд, одна из которых засияла особенно ярко.

Интересно отметить, что легенда о Зухре вошла в сюжет рассказа Ф. Амирхана «Ай өстендә Зөһрә кыз» («Девушка Зухра на Луне», 1913), а также – произведения М. Ханафи «Айсылу».

Обратимся для начала к сопоставительному анализу¹ татарских баитов и русских баллад, в которых упоминаются небесные светила.

Исследования русских баллад показывают, что в них наиболее частотными являются небесные образы, среди ко-

торых самым главным выступало солнце. Оно – солнце – олицетворяет добро, предвещает хорошее известие.

По утра-ту было, на зореньке,
На восходе красного солнышка,
Не ясен сокол по горам летал,
Не белой кречат перепархивал –
Наш-ат Мишенька с полону едет. <...>
На турецком чёрном шахмате,
Везёт с собой две сумы перемётные,
В сумах-ту сидят сорочиночки,
Турецкого хана две дочери.

(«Иван Грозный под Серпуховым»)

Солнце символизировало мужское начало. Отец, как глава семьи, в лирических обрядовых песнях, а также в балладах сравнивался с «красно солнцем», что обозначало зрелость, власть и силу. К примеру, героиня баллады «Молодец и худая жена» выражает своё отношение к мужу через упоминание о солнце. Она девять долгих лет ожидала мужа, который ушёл «со синя море» и долгое время не мог вернуться домой. После многих лет странствий он решает возвратиться, но его пугает тот факт, что по приезде домой его не ждёт ничего хорошего: «Мне к батюшке идти – живым не застать, // К роду-племени идти – не узнают меня». Исследовав текст, в частности, реплики жены в нём, мы понимаем, что судьба её без мужа была трагична.

И не восходило красно солнышко три года,
И не восходило красно солнышко шесть годов,
И не восходило красно солнышко девять лет,
А сегодня красно солнышко высоко взошло!

Упоминание солнца в русской балладе «Молодец и худая жена» несёт в себе положительный смысл: с одной стороны, оно подчёркивает силу мужского начала в вернувшемся герое, а с другой – рождает представление о светлом и новом этапе жизни в судьбе героини. Необходимо отметить, что традиционное употребление в балладе устойчивого эпитета «красное солнышко» становилось частью «общих мест» в произведении.

Другим распространённым, хотя и менее частотным образом в русских балладах была *заря*. Отличающаяся от

¹ Сопоставительный анализ основан на выявлении уникальных (самобытных) свойств художественных произведений, разъединённых разными языковыми, эстетическими и религиозными свойствами, их поэтикой.

по-своему определила дуалистичность (бинарность) художественного мышления. Немало произведений можно найти в творчестве В. А. Жуковского («Мотылёк и цветы», «Море»), М. Ю. Лермонтова («Небо и звёзды», «Выхожу один я на дорогу»), Ф. И. Тютчева («День и ночь»), в которых встречаются парные образы, созданные на этой основе.

Вместе с тем необходимо отметить, что в романтической поэзии XIX века особое место среди небесных светил занимали образы луны, месяца и звёзд, а не солнца. По-видимому, это было связано с тем, что луна, по сравнению с другими небесными светилами, отличается большей таинственностью, чему подтверждение находим в мифологических представлениях славян. Как пишет всемирно известный философ М. Элиаде, «солнце всегда одно и то же, всегда равно себе, никогда ни в каком смысле не пребывает в становлении. Луна же прибывает, убывает и исчезает, она – тело, подвластное всеобщему закону становления, рождения и смерти. Подобно человеку, луна встречается на своём пути трагедии, ибо её «ослабление» (уменьшение размеров и формы по фазам), как и ослабление человека, кончается смертью».

Луна, отражая бессознательное начало, не могла не использоваться романтиками в познании мира и человека.

Так, её удивительное своеобразие выражено романтической поэзией В. А. Жуковского («Вечер», 1806, «Ночь», 1823)». Луна здесь, как и в произведениях других русских поэтов-романтиков XIX века, чаще используется для создания элегического настроения, для погружения читателя в мир тоски, печали, грёз. Достаточно ярко это иллюстрирует стихотворение Жуковского «Подробный отчёт о луне» (1820), в котором образ луны как таинственное и мистическое светило предстает в самых разных состояниях. В произведении он романтичен, поэтизирован, луна является тайным свидетелем событий, совершающихся как в русской истории, так и в отдельной человеческой жизни. Образ

луны принадлежит миру: в нём нет страданий, внутренних противоречий, одна лишь красота и спокойствие...

В поэзии Пушкина данный образ также занимает особое место, однако здесь он «освобождается» от романтических черт; луна является частью мира природы, которая способна стать враждебной к лирическому герою, как, например, в известном стихотворении «Бесы» (1830).

**Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освещает снег летучий;
Мутно небо, ночь мутна.**

Как видно из данного фрагмента, образ луны, созданный с помощью повтора «невидимкою луна», передаёт мистическое и пугающее состояние природы, которая заставляет пушкинского героя поддаться страху, отчаянию, а затем и смириться с бесовской игрой зимней вьюги.

В поэзии Пушкина, в отличие от поэтов-романтиков, образ луны многолик, здесь он утрачивает свои высокие, прекрасные черты. Например, в романе в стихах «Евгений Онегин» мы встречаемся с эпитетом «глупая», а в стихотворении «На небесах печальная луна» подчёркивается холодная и глубокая красота луны:

**Заря блестит невестой молодою
Луна пред ней, как мёртвая, бледна ...
Так встретился, Эльвина, я с тобою.**

В стихотворении «Зимняя дорога» образ луны привносит чувство грусти в жизнь зимней природы:

**Сквозь волнистые туманы
Пробирается луна
На печальные поляны
Льёт печально свет она.**

Таинственность луны подчёркивается Пушкиным также в стихотворении «Зимнее утро»: *Луна как бледное пятно // Сквозь тучи мрачные желтела.*

Образ луны и свет, который она источает, у Пушкина олицетворяются: луне приписываются женские черты, прояв-

ляющиеся в склонности к тоске, одиночеству, грусти. Вместе с тем данный образ, включённый в реалистический мир творчества поэта, становится психологически более сложным, многогранным, оставаясь в то же время пограничным, мистическим.

Образ луны занимает особое место в произведениях русских поэтов XX века, в частности, в лирике Есенина. По мнению М. Н. Эпштейна, «из светил на первом месте образ луны-месяца, который встречается примерно в каждом третьем произведении Есенина. При этом в ранних стихах, примерно до 1920 года, преобладает «месяц» (18 из 20), в поздних – луна (16 из 21). Месяц ближе к фольклору, это сказочный персонаж, тогда как луна вносит элегические, романсовые мотивы».

Так, в известном стихотворении С. Есенина «Неуютная жидкая лунность» (1925) с помощью образа луны передаётся грусть лирического героя, его настроение утраты, предчувствия конца жизни. Поэт использует в произведении эпитет «*чахоточный*», который значительно «снижает» образ небесного светила, наделяя его болезненным человеческим состоянием. К тому же свет луны, передающейся через метафору «неуютная жидкая лунность», создаёт атмосферу непознанного, мистического, в которой происходит прощание с его прежним идеалом «полевой», крестьянской Руси.

**Неуютная жидкая лунность
И тоска бесконечных равнин, –
Вот что видел я в резвую юность,
Что, любя, проклинал не один.**

В стихотворении «Отчего луна так светит тускло» (1925), входящем в известный цикл «Персидские мотивы», этот образ олицетворяется, наделяясь такими чувствами, как одиночество и тоскливость. Луна воплощает здесь женскую красоту, её утончённость. Образ луны является частью восточного пейзажа, в котором поэт замечает «другой» мир, «другие» нравы, он как бы противопоставляет мир таинственного Востока русской душе.

**«Отчего луна так светит тускло
На сады и стены Хороссана?
Словно я хожу равниной русской
Под шуршащим пологом тумана», –**

**Так спросил я, дорогая Лала,
У молчащих ночью кипарисов,
Но их рать ни слова не сказала,
К небу гордо головы завывсив.**

Образ луны является здесь сквозным, чувство печали и элегическое настроение создаётся в стихотворении с помощью повтора: «Отчего луна так светит тускло?»

Для К. Бальмонта – поэта-символиста начала XX века – образ солнца один из центральных образов его творчества. У Бальмонта есть цикл «Будем как солнце», состоящий из 26 стихотворений, в восьми из которых этот образ является основным. Для лирического героя Солнце – источник очищения духа, оно указывает путь к совершенной жизни, прозрению. В призыве Бальмонта «будем как Солнце» слышится принятие всего мира, подобно тому, как всё принимает солнце.

Названный ряд литературных примеров, в которых созданы образы небесных светил, можно продолжить. Однако очевидным является факт, что в русской поэзии начала XX века образы луны и солнца достаточно самостоятельны, существуют, как правило, независимо друг от друга. Образ луны часто ассоциируется с женщиной, её мистической и глубокой красотой. Луна может предвещать смерть, быть её своеобразным знаком.

Однако приведём иной пример, основанный на совершенно оригинальном воплощении этого образа.

В стихотворении «Адище города» поэт-футуриста В. Маяковского луна окончательно утрачивает «высокие» черты, деструктурируясь в совершенно «низкий» поэтический персонаж: *И тогда уже – скомкав фонарей одеяла – // ночь излюбилась, похабна и пьяна, // а за солнцами улиц где-то ковыляла // никому не нужная, дряблая луна.*

Как видно из сказанного, образ луны в русской литературной тради-

ции выполнял прежде всего символическую функцию, одна из которых связана с указанием на утрату, смерть или вселенское зло. Луна могла быть знаком восточной культуры (С. Есенин, А. Ахматова) или же превращаться в совершенно оригинальный, «эпатажный», лишённый возвышенных черт образ (В. Маяковский). Такая «многоликость» образа достигалась за счёт тропеических средств, и особенно эпитетов.

* * *

В татарской поэзии начала XX века образы луны, солнца, звёзд имели в целом иное содержание и поэтику.

Первая особенность, которая достаточно ярко выделяется среди вышеизложенных размышлений, связана с тем, что в произведениях татарских поэтов данные образы чаще всего *парные*. Подобно известным образам-символам, таким как, например, соловей и роза, мотылёк и свеча, которые составляли основу восточной поэтики, образы луны и солнца в стихотворениях Г. Тукая представляют собой художественное единство. Достаточно ярко это проявилось в «Пар ат» («Пара лошадей»), «Ике кояш» («Два солнца»), «Пушкин вә мин» («Пушкин и я»), «Ике юл» («Два пути»).

Парность образов солнца и луны обусловлена фольклорной традицией, питавшей творчество татарского поэта. К примеру, в песенном фольклоре они часто персонифицировались, олицетворялись, выступая в своеобразном единстве, основанном на противопоставлении или парных отношениях.

Обращение татарских поэтов начала XX века, и прежде всего Г. Тукая, к парным образам-символам обусловлено и другой, «сакральной» причиной: тесной связью поэзии восточных авторов с идеей познания Бога, пути к Нему, сопряжённостью литературы с исламом. Такая черта поэзии, указывающая на дуалистичность художественного мышления, связана с традициями восточной

суфийской литературы, которую Тукай и его современники хорошо знали. В рамках её поэтики часто использовались парные термины, такие как влюблённый и возлюбленная, мотылёк и свеча, роза и соловей, капля и океан.

Наиболее выразительным и сложным с этой точки зрения был образ луны. Так, согласно воззрениям и творчеству Ибн Араби (1165–1240), суфийского поэта-философа, полная луна не только традиционный образ неба: «он обозначает манифестацию божественной сущности в невидимом мире мистического знания» (И. Фильштинский).

Приведём пример из произведения Ибн Араби, где в аллегорической форме описывается красота возлюбленной, означающая великолепие Бога.

Полная луна взошла в ночи
чёрных волос,
и нарцисс черноты глаз
оросил росу¹.

Она – видимость, которая исчезает, когда мы думаем о ней, и она слишком прозрачна, чтобы быть видимой глазу.

Описание искало способ изобразить её, но она была слишком высоко, и описание отступило.

Сравнение красавицы (возлюбленной) с полной луной в суфийской поэзии было символическим, оно указывало на присутствие Бога, манифестацию его незримой сущности, описать которую невозможно.

Конечно, в произведениях Тукая образы луны и солнца трудно толковать исключительно с точки зрения их мистически-религиозного содержания, как, например, в поэзии Джами, Саади, Хафиза или арабского мистика Ибн Араби. Вместе с тем указанная черта восточной поэтики – тяготение к двуплановости, порождающей парную символику и термины, в лирике Тукая нашла своё яркое выражение.

¹ «Нарцисс» (плачущий глаз), слезами которого, как «росой», покрывается «роза» (румяные щёки красавицы), означает центральный момент манифестации красоты Бога.

Отметим и другое. Образы солнца и луны в его поэзии не только парные. Они, в отличие от свободного, живого и оригинального толкования их русскими поэтами, наделяются совершенными чертами. Сопоставление произведений Тукая и русских поэтов XIX–XX веков позволяет утверждать, что в татарской литературе образы небесных светил являются возвышенными, они часто приобретают аллегорическую форму, и найденные рядом с ними тропы: эпитеты, сравнения, метафоры – лишь подчёркивают их абсолютную красоту.

Так, в стихотворении Тукая «Ике кояш» («Два солнца»)¹ (1909) образ солнца и свет, исходящий от него, видится прекрасным, так как с появлением дневного светила весь мир наполнился светом. Такое сравнение артистки Гизатуллиной с взошедшим над светилом солнцем делает её образ недосягаемым.

Лишь вышло солнце –
мир лучистый засверкал.
Так Гизатуллина: лишь вышла –
счастлив зал.

Им богом дан обоим равный блеск лучей:
Ему играть средь туч, играть на сцене ей.
(Перевод О. Гатова)

В стихотворении Тукая «Отрывок» (1913) поэт вновь возводит на незримую высоту, превращая в идеал образы Пушкина и Лермонтова. Подобно солнцу, силе его сияния, для татарского поэта они совершенны. Здесь мы также встречаемся с парным образом, через солнце-луну Тукай передаёт своё стремление быть похожим на русских классиков. Себя он сравнивает с луной:

Пушкин, Лермонтов – два солнца –
высоко вознесены.
Я же свет их отражаю, наподобие луны.
(Перевод В. Ганиева)

Такое сравнение не только возвеличивает поэта, но и позволяет говорить о том, что в его воззрении настоящая поэзия неотделима от мира неба как сосредоточение совершенного, прекрасного.

Это также раскрывается в стихотворении «Пушкину» (1906), в котором мотив солнечного сияния, эманации солнца рождает представление о том, что поэзия Пушкина, воплощая мир настоящего искусства, даёт вдохновение, порыв, наполняя небесной силой творчество Тукая.

Произведение «Луна и Солнце» (1909) Тукай посвятил детям. Однако в свете представленных размышлений это стихотворение ярко иллюстрирует идеи, обозначенные нами выше. Татарский поэт, как и в стихотворениях «Отрывок», «Два солнца», не прибегает здесь к выразительным тропам, которые бы по-своему удивляли читателя и живописно и оригинально характеризовали образы неба. Можно предположить, что Тукай, стихийно опираясь на представления о совершенстве неба, создал добрую историю дружбы солнца и луны, в которой ценностью является идея гармонии, согласия и красоты неба как основы жизни не только небесных героев, но и человека.

Итак, сопоставление образов небесных светил в русской поэзии XIX–XX веков и лирике Тукая даёт основание говорить об уникальности представлений о небе в разных национальных литературах. Если в русской поэтической традиции (особенно в произведениях поэтов начала XX века) образы солнца и луны, будучи парными, имели отличное друг от друга содержание, то в лирике Тукая небесные светила в равной степени высокие и заключают в себе смысл, относящийся к совершенному миру. Такая поэтическая интерпретация обусловлена тесной связью татарской поэзии, в том числе творчества Тукая, с традициями литератур Востока, приверженностью её к духовным поискам Бога как основы человеческой жизни.

¹ Стихотворение Г. Тукая «Два солнца» посвящено Сахипжамал Гизатуллиной-Волжской – одной из первых татарских профессиональных актрис.